Посвящается Янну и Полине,
гордым и прекрасным.
Умеющим держаться.

Посвящается всем парам,
которые проходят через болезнь
или инвалидность бок о бок.

Люди похожи на витражи: они сияют, пока светит солнце, но в темные времена их красота видна, только если свет идет изнутри.

Элизабет Кюблер-Росс

1

Элеонора

Здесь, в холле у операционной, среди запаха дезинфекции и старых журналов лица у всех скорбные. Взгляды — отчужденные, ускользающие. Никому и в голову не придет встретиться глазами с соседом. Включенный телевизор тоже почти не привлекает внимания. Новости дня никого не интересуют. Люди лишь следят сквозь приоткрытую дверь, как снуют по коридору медсестры, да украдкой поглядывают в окно — словно желая убедиться, что остальной мир по-прежнему существует, — и удивляются, видя все то же голубоватое осеннее небо с беспечно парящими птицами.

В отличие от моих соседей, я игнорирую то, что происходит снаружи, и коридор меня не особенно занимает. Я же знаю, что за мной придут нескоро. Только если все пойдет не по плану. Если он умрет на операционном столе. Такое тоже может быть. Перед поездкой сюда я не стала смотреть статистику. Впрочем, я даже толком не знаю, что конкретно они собираются делать. Знаю только, что это серьезно, что операция займет от шести до десяти часов. Еще говорилось про какую-то «политравму». Что это вообще значит? Я как раз выходила из спортзала, когда пришло голосовое.

И сразу же примчалась сюда. Волосы у меня мокрые и липкие от пота, от голода кружится голова, мне холодно в спортивной форме — но все это не имеет значения, потому что меня интересует только одно: остальные женщины в холле. Сердце вот-вот разорвется, но все же я вглядываюсь в их позы, в судорожно сцепленные руки, в искаженные тревогой лица, в пустые глаза. И спрашиваю себя: «Переживает ли кто-то из них хотя бы треть того, что испытываю я? Ждет ли новостей о таком мужчине, как Франсуа, — мужчине, от одного имени которого перехватывает дыхание, чей голос лишает воли? Ждет ли хоть одна весточки о мужчине, без которого она просто умрет?»

Смотрю на них — и сомневаюсь. Они волнуются, терзают себя, изводятся, но ни одна из них не страдает так, как я сейчас. Всякая истинная страсть поглощена исключительно собою, писал Стендаль*. Я — живое воплощение этого эгоизма. Я олицетворяю его здесь, в этом холле. Я разглядываю других женщин и оплакиваю саму себя: оплакиваю свою кожу, лишенную прикосновений Франсуа, свое тело, все свои чувства — они станут бесполезными, если он ко мне не вернется.

Я никогда не испытывала ничего даже отдаленно похожего на эту страсть. Мне всего двадцать четыре года, но я уверена: такой жар охватывает человека лишь раз в жизни. Кто-то скажет, что именно недоступность Франсуа сделала его для меня столь незаменимым — ведь он так далек, так недосягаем. Возможно, это правда… Как можно поймать и удержать актера, который по-настоящему оживает только на сцене, в упоении

---

* Цитата из романа Ф. Стендаля «Красное и черное», пер. А. Чеботаревской. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

собственной игрой, и — иногда — на пике оргазма? Таким был Франсуа: неуловимым, многоликим, человеком-тайной. Думать о нем здесь, у операционной, для меня и утешительно, и мучительно больно.

Я уже собираюсь встать, чтобы немного пройтись, когда в коридоре раздается знакомый голос. Узнаю силуэт. Высокий, тонкий, стройный. Небрежная поза, длинные волосы зачесаны назад, как у Франсуа, светлые джинсы, белая рубашка под тренчем. Это Антуан. Они так похожи. Часто появлялись на сцене вместе. Это сходство иногда позволяло им подменять друг друга, играть братьев или даже отца и сына. Но внутри они совсем разные. Антуан не излучает того обволакивающего тепла, которым веет от Франсуа. В Антуане есть что-то обыденное, успокаивающее. Он славный парень, надежный, на него можно положиться. Если бы меня попросили подобрать для него цвет, я бы выбрала синий. Или зеленый. Простой, честный цвет. Такому человеку доверяешь, его сразу начинаешь любить, но ради него не бросишься с десятого этажа. А Франсуа больше подходит оранжевый. Цвет теплый, коварный, сотканный из оттенков и бликов, ускользающий цвет. Приблизишься — сгоришь дотла. Причем совершенно добровольно.

Антуан стоит в коридоре, разговаривает с врачом. Пока я бегу к нему, врач уходит. Я хватаю Антуана за руку. От него пахнет чистотой. Марсельским мылом и чуть-чуть — мускусом: это дезодорант. От меня же, наверное, разит засохшим потом и страхом.

— Лео…

Он пытается меня обнять. Я отшатываюсь, высвобождаюсь. Не время. Нет, правда, не время.

— Что он сказал?

В глубине его глаз плещется растерянность.

— Сказал, что нужно ждать. Новостей не будет еще часа два или три. Что случилось?

— Мне толком ничего не объяснили. Знаю только, что он был на скутере. Торопился куда-то. Хотел проскочить перекресток… И тут автобус.

— Он выживет?

— Пойдем покурим.

Даже слышать ничего не хочу ни о каких о прогнозах. Иначе придется всерьез задуматься, есть ли смысл жить дальше. Мы выходим из больницы молча. У стеклянных дверей Антуан щелкает зажигалкой. Мне зябко в слишком легкой спортивной одежде. И очень страшно. Зубы выбивают дробь.

— Ты не видела Изабель? — спрашивает он.

Мотаю головой.

— Ей сообщили? — допытывается Антуан.

— Вероятно, в первую очередь.

Он пропускает мимо ушей мой едкий тон, проверяет телефон.

— Надо бы ей позвонить, — говорит он. — Подождешь здесь?

Я смотрю ему вслед. Затягиваюсь сигаретой, заполняю легкие дымом, чтобы прогнать мысли об Изабель. Еще и поэтому я предпочитаю прятаться от правды. Шарю в своей холщовой сумке. Там только кошелек и телефон. Разблокирую смартфон. На заставке мы с Франсуа. Парижское кафе. Мы сидим плечом к плечу, я улыбаюсь в объектив. Франсуа — нет, он вообще редко улыбается, но в его взгляде такая сила, такая глубина, что любой, кто посмотрит ему в глаза, будет очарован. В тот вечер на мне была черная кружевная блузка, из-под которой торчали красные бретельки бюстгальтера… Это, кстати, селфи. Снимала я сама, вытянув руку. На Франсуа серая рубашка, он

опирается локтями на стол. Позади нас большое зеркало, где отражаются наши спины: он слегка наклонился над чашкой кофе, я прогнулась в пояснице, словно предлагая себя. Вот я какая рядом с Франсуа: чувственная, открытая, покорная. Живая — нет, ожившая! — целиком, до последней клеточки. Если он угаснет, мне останется только угаснуть следом.

Антуан не возвращается. В нескольких метрах от меня он разговаривает по телефону с Изабель. Шепотом. Он предпочитает ее мне, кто бы сомневался. Девять лет — такой срок закаляет дружбу. Но мне все равно. По крайней мере я пытаюсь себя в этом убедить. Снова разблокирую этот треклятый телефон. Сама не знаю, что ищу. Время сейчас не имеет значения. Врач сказал: «Надо подождать два-три часа». Я просто хочу еще раз увидеть ту фотографию — нашу фотографию. Я цепляюсь за нее изо всех сил. За сам образ, за то, как мы смотримся вместе. За нас как за пару. По-моему, мы красивые. Красивее, чем Франсуа и Изабель. Это уж точно.

Его угловатое лицо, сотканное из теней, резко очерченные скулы, серо-зеленые глаза, брови — оттеняющие взгляд, делающие его глубже, весомее. И волосы. Темные пряди до плеч придают его облику какую-то андрогинность — но от этого он кажется мне еще более мужественным, сильным, властным. И это движение… Небрежный жест, которым он откидывает пряди со лба… Кажется, именно тогда я в него и влюбилась.

А рядом с Франсуа на снимке — я. Мое отражение, застывшее на экране. Элеонора Ламбре. Стройная, но не худая. Как он. Хрупкая ровно настолько, чтобы он рядом со мной казался тяжелее, сильнее, чтобы ему хотелось обнять меня, обладать мной. Наши тела словно созданы, чтобы сплетаться воедино, узнавать друг друга, принадлежать друг другу. Мое лицо похоже на его. Тонкое, бледное, в обрамлении таких же

темных волос. Только мои длиннее. У Франсуа волосы едва достают до плеч, у меня — до поясницы. И глаза у меня не зеленые, как у него. Мои — черные. Скажи я, что во мне течет итальянская кровь, никто бы не удивился. Вглядываюсь в нас на снимке и вижу что-то неуловимое — то, что заставляет сказать: да, мы созданы друг для друга. Мы купаемся в одном свете. В одном кьяроскуро. Но стоит моему отражению отойти от Франсуа — и свет погаснет. Останется лишь бледное, слишком худое лицо, на которое никто не обернется. А Франсуа будет притягивать взгляды по-прежнему. Со мной или без — его окружает эта завораживающая аура.

Рука Антуана ложится мне на плечо и возвращает в реальность, в пронизывающий холод этого октябрьского вечера.

— Она была у врача. Сейчас подойдет.

Я не успеваю осознать эти слова. Вернее, то, что за ними стоит. Я все еще в своем мире. В мыслях, которые уносят меня прочь от этой реальности. Гашу сигарету, убираю телефон в сумку. И тут слышу, как открывается стеклянная дверь и стучат каблуки: кто-то несется прямо к нам. Мгновение — и она здесь, перед нами: тусклые светлые волосы, серое лицо, изможденные черты. Иногда я даже находила Изабель красивой — хотя все равно считала, что она совершенно не подходит Франсуа. Но сейчас она кажется мне какой-то особенно бесцветной.

Она не здоровается с Антуаном. Останавливается передо мной. Из-под распахнутого пальто виден мешковатый черный свитер, кое-как заправленный в брюки. Жалкое зрелище. Ее глаза холодно скользят по моей фигуре — стройной, обтянутой спортивной одеждой. Фигуре женщины на двадцать четыре года моложе. Я знаю: несмотря на горе, панику

и парализующий страх, ей хватает рассудка, чтобы представить руки Франсуа на моем теле.

— Значит, это ты у нас Элеонора?

Я не успеваю среагировать. Я где-то далеко. Голова пустая. Меня слегка мутит. Не стоило курить на пустой желудок. Становится страшно. Ее ладонь обжигает мне щеку — раздается сухой хлесткий звук. Обычная, мелочная пощечина, которую я не могла предвидеть.

— Иза! — возмущается Антуан.

Несколькими секундами позже он встает между нами. Щека горит, но я почти не чувствую. У Изабель дрожат губы, дыхание хриплое, тяжелое. Она вцепилась в плечо Антуана, словно вот-вот рухнет. Она изображает гнев, но я вижу: она на грани, вот-вот разрыдается. Вся она теперь лишь это обмякшее тело, слишком старое, оставленное Франсуа. Но я-то тут при чем? Это Франсуа завладел мной.

— Можно ставить на нем крест. Он инвалид. Так что… забирай его, отдам с радостью.

Качаю головой. Она бредит. Она сумасшедшая, сама не знает, что болтает. Антуан спрашивает глухим голосом:

— Что ты такое говоришь?

— Спинной мозг поврежден. Можно ставить на нем крест.

— Прекратите! — вклиниваюсь я. — Вы несете чушь!

Неужели это мой голос так дрожит?

Антуан смотрит на Изабель — серьезнее некуда — и напирает:

— Ты уверена? Тебе врач это сказал?

Изабель закрывает глаза, глотает слезы, собирается с духом, еще крепче вцепляется в Антуана.

— Осколок позвонка…

— Ну? — торопит он.

— Осколок позвонка засел в спинном мозге. Они пытаются устранить компрессию, чтобы повреждение не прогрессировало. Им нужно… нужно еще стабилизировать позвоночник, чтобы… чтобы предотвратить вторичные поражения.

Она просто повторяет за врачом медицинские термины. Сама-то понимает, что говорит? Антуан не отступает:

— Позвоночник? Спинной мозг? Ты уверена?

Она лжет. Разворачиваюсь. Быстро. Слишком быстро. Она лжет.

— Лео! Ты куда? — кричит Антуан.

Не оборачиваюсь. Они цепляются друг за друга у меня за спиной, чтобы не упасть. Слабаки. Трусы. Они не верят в него. Уже приговорили Франсуа. Похоронили.

Если я пробуду с ними еще секунду, страх и сомнение начнут просачиваться и в мой разум. Нельзя этого допустить. Слышу, как Антуан кричит мое имя. Стеклянные двери раздвигаются, поглощают мое тело. Меня обдает теплом больничных коридоров. Но дрожь не унимается. Что она там сказала, эта сумасшедшая? Спинной мозг поврежден? Ноги отнялись? Она не знает Франсуа. Что ему какой-то осколок позвонка! Что ему какой-то автобус! Этой ночью Франсуа был во мне, надо мной, его руки сковывали мои запястья. Он требовал, чтобы я поклялась не кончать раньше него. Он был грозным. Обжигающим. Неистовым. «Поклянись. Сейчас же!» Его пальцы стиснули мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Именно тогда меня накрыл оргазм — когда я утонула в его темных зрачках. Он вонзил зубы мне в шею. Было невыносимо больно — и все равно мало. Я хотела, чтобы он совсем меня сломал. И сейчас, в больничном коридоре, мои пальцы касаются шеи. Следы его зубов — вот они. Красный рубец. Саднит до сих пор. Такому мужчине — тому, кто это сделал, — не страшен никакой осколок позвонка.

2

Элеонора

Голос заведующего отделением преследует меня и много часов спустя. «Вы родственница? Если вы просто подруга, я не могу вас пропустить…» Я не ухожу из холла. За окном стемнело. Антуан отлучился ненадолго и вернулся с горячим мисо-супом и гёдза. Впихнул в меня и то и другое. Изабель уехала домой на такси. Ей будут звонить. Ей будут отчитываться, как проходит каждый этап операции, сообщат, когда Франсуа очнется. Она его жена. На бумаге она его жена, а я — всего лишь «подруга». В этой больнице никто не знает, что Франсуа заказал грузовик на следующие выходные. Что он уже собрал вещи. Что ровно через шесть дней мы должны были въехать в нашу парижскую двухкомнатную квартиру. Что развод с Изабель — следующий шаг, простая формальность. Главное уже сказано: Изабель — брошена, отвергнута. Мое имя стоит рядом с именем Франсуа в договоре аренды. Я не просто какая-то там подруга. Я — вторая половинка Франсуа. Женщина, которая должна быть рядом с ним в реанимации, пока он борется за каждый вдох, пока сопротивляется, чтобы не утонуть в бездне. И пусть меня пока не пускают к нему — неважно. Я останусь здесь, в этом холле, буду спать здесь, здесь и умру.

На экране телевизора все так же мелькают дневные новости. Холл опустел. Кроме меня осталась только женщина в розовом платке — кажется, она переживает что-то похожее. Я вижу в ее лице отражение того, что давит и терзает меня. Кого она ждет? Мужа? Любовника? Есть ли у нее на шее такие же следы, как у меня? Но тут появляется медсестра и с ободряющей улыбкой говорит ей:

— Ваш сын пришел в себя, с ним всё хорошо.

Женщина в платке торопливо семенит прочь. Я чувствую себя одинокой как никогда.

Я, кажется, отключилась. Открываю глаза. Шея затекла, тело онемело. Холод пробирает до костей. Зал пуст. Три пропущенных от Антуана и сообщение.

Надеюсь, ты уехала домой отдохнуть. Изабель только что звонила. Франсуа вывезли из операционной. Состояние стабильное. Целую. Спокойной ночи.

«Состояние стабильное». И что это значит? Что он не умрет прямо сейчас? Что не умрет вообще — во всяком случае из-за этой аварии? Или что завтра он встанет на ноги? Звоню Антуану и натыкаюсь на автоответчик. Выключил телефон, идиот. А если что-то срочное? Если Франсуа станет хуже? Часы в углу экрана показывают два ночи. Вечером была пересменка. Может, эти, новые, меня пропустят, разрешат увидеть Франсуа хотя бы на минуту? Встаю, сердце колотится, цепляюсь за эту мысль. Не знаю, куда перевели Франсуа: на другой этаж? В другое отделение? В коридоре появляется медсестра, хмурится, глядя, как я шатаюсь. Я измотана, сама не понимаю, куда идти.

— Вам помочь? Вы кого-то ищете?

Она берет мою ледяную руку в свою.

— Франсуа, — говорю я. — Франсуа Лувье.

Что-то мелькает в ее глазах. Неужели видела его на сцене?

— Авария на скутере?

— Сегодня утром, да.

— И вы еще здесь?

Она мягко журит меня. Потом замечает, как дрожит моя рука в ее ладони.

— Вы его жена?

Киваю. На моем лице столько отчаяния, что ей и в голову не придет усомниться.

— Он уже в реанимации. Ненадолго приходил в себя, но снова уснул.

— Неважно. Я просто хочу его увидеть.

— Ладно. Среди ночи мне не положено вас туда пускать, но… пусть это останется между нами. Идемте.

Она кивком указывает направление. Мы подходим к лифту. Медсестра нажимает кнопку вызова.

— Оценивать все повреждения пока рано, конечно, но…

Она изучает меня. Хочу ли я знать правду? Или я из тех, кого успокаивает неведение?

— Вам нужно подготовиться. Дела не очень.

— Что это значит?

— Не исключено, что он никогда не сможет ходить.

В лифте повисает молчание. Я никак не реагирую. Пустые слова. Она всего лишь медсестра. Не врач. И тем более не хирург. Она ничего не понимает. Да и понимала бы — что с того? Они не знают Франсуа так, как знаю его я. Он не даст какой-то банальной аварии себя сломить. Он уже попадал в аварию — в самом начале наших отношений. Через двадцать минут уже вышел на сцену, даже не поцарапанный. «Растяжение

связок», — объявил врач назавтра. «А-а-а», — только и сказал Франсуа. День-другой похромал и забыл, что ему полагается болеть. Вот что я рассказала бы этой медсестре, будь у меня силы, но целый день тревожного ожидания меня вымотал.

Негромкое «дзинь» сообщает, что мы приехали. Кнопка с цифрой четыре вспыхивает красным. Красный — цвет крови. Красный — цвет жизни. Красный — цвет страсти. Вот что сейчас будет: Франсуа откроет глаза, увидит меня. Ему станет больно, несмотря на обезболивающие, но я скажу ему: «Тише, тише, я здесь». А когда медсестра оставит нас одних, я найду способ всё исправить, всё стереть, превратить в далекое воспоминание. Он никогда не умел мне сопротивляться — как и я ему. Когда я скользну к нему под простыню, когда займусь им, он не сможет мне отказать. Ни в чем. Даже если я попрошу снова начать ходить. Он зароется пальцами в мои волосы и пообещает мне что угодно. Франсуа — он такой: он порыв, страсть, желание. Франсуа — это сама жизнь во всей ее силе.

— Ему дали успокоительное. Он крепко спит, но вы можете с ним поговорить.

Я застываю, не в силах вымолвить ни слова. Не знаю, что я себе представляла, но это — за гранью. В этой напичканной аппаратурой палате посреди кровати, огороженной бортиками, лежит бледная копия моего Франсуа. Он спит, да, но не это приковывает меня к месту. Он лежит, заключенный в корсет от ступней до затылка. Мумия. Он кажется мертвым. На запястьях — катетеры, соединенные с капельницей. Трубки подводят кислород к ноздрям. Землистое лицо в мертвенном свете мне ни о чем не говорит. «Это не он! — хочу я выкрикнуть. — Вы ошиблись! Это не Франсуа!» И мне почти смешно. Какое недоразумение! Какое облегчение! Аппарат мерно пищит. Сердечный ритм — зубчатая кривая на мониторе. Табличка

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru